

Михаил Иванович Пыляев

Наш театр в эпоху Отечественной войны



*Часть сборника
Замечательные чудаки и
оригиналы (сборник)*



Старое житье

Михаил Пыляев

**Наш театр в эпоху
Отечественной войны**

«Public Domain»

1892

Пыляев М. И.

Наш театр в эпоху Отечественной войны / М. И. Пыляев —
«Public Domain», 1892 — (Старое житъе)

«В знаменательный год Отечественной войны деятельность русского театра в Петербурге не прерывалась. Напротив, репертуар новых патриотических пьес каждодневно обогащался; появилось даже много балетов, относящихся к военным событиям того времени. Спектакли в этот год давали только на Малом театре (нынешний Александрийский) и в доме Кушелева, где теперь Главный штаб. На первом играли французы и русские, на втором – немцы и молодая русская труппа, составленная из воспитанников театрального училища и немногих вновь определяющихся дебютантов...»

© Пыляев М. И., 1892

© Public Domain, 1892

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

М. И. Пыляев

Наш театр в эпоху Отечественной войны

Отражение патриотизма на сцене. – Последнее театральное представление в Москве. – Генерал Боссе и его французская труппа. – Бегство французов из Москвы. – Возрождение московского театра

В знаменательный год Отечественной войны деятельность русского театра в Петербурге не прерывалась. Напротив, репертуар новых патриотических пьес каждодневно обогащался; появилось даже много балетов, относящихся к военным событиям того времени. Спектакли в этот год давали только на Малом театре (нынешний Александринский) и в доме Кушелева, где теперь Главный штаб. На первом играли французы и русские, на втором – немцы и молодая русская труппа, составленная из воспитанников театрального училища и немногих вновь определяющихся дебютантов.

В то тяжелое время всеобщий патриотизм сильно отразился на нашей сцене. Каждый стих, каждое слово применимое к тогдашним военным обстоятельствам, вызвало целую бурю рукоплесканий и самые неистовые испущенные крики «браво!», «бис!». Когда, например, в трагедии «Фингал» – актер говорил:

«Могила храброго отечеству священна!»,

или в «Дмитрии Донском»:

«Умрем, коль смерть в бою назначена судьбою!»,

или когда боярин возвещал Ксении победу, произнося:

«Разбитый хан бежит, Россия свободенна!»,

оглушительные единодушные аплодисменты неслись и раздавались повсюду. Актер стоял, безмолвствуя по получасу, не смея продолжать монолога.

При исполнении драмы С.И. Висковатова «Всеобщее ополчение», один из зрителей, видя, как на сцене все приносят в дар отечеству свое имущество, до того забылся, что бросил на сцену свой бумажник, вскричав: «Вот возьмите и мои последние 75 рублей!»

В этой пьесе маститый семидесятилетний старец И.А. Дмитриевский исполнял главную роль унтер-офицера Усердова, который, не имея уже силы идти в ополчение, приносит свои медали в пользу ополченцев, артист изображал больного дряхлого мужа, убежденного сединою, с открытым челом, в рубище, то одушевленного порывом патриотизма, то плачущего о своем бессилии, то трепещущего за святую свою родину. Около старца веяло какой-то святыней, и минуты его увлечения были высокие минуты. Все плакали от умиления, сам Дмитриевский рыдал и не мог выговорить слова, когда после единодушного вызова хотел благодарить публику. Заслуженного артиста почти без чувств привезли домой. На другой день рано он получил запечатанный ящик, в котором лежал драгоценный перстень с запиской: «Истинному сыну отечества и великому актеру».

Это был подарок великого князя Николая Павловича.

В этот же патриотический спектакль шел балет сочинения Вальберха и Огюста «Любовь к отечеству» с хорами и пением, музыка сочинения Кавоса; певец Самойлов представлял русского генерала и пел арию. В драме и балете вся труппа была на сцене.

В тот день, когда было получено известие о Клястицком и Кобринском сражениях, шла русская опера «Старинные святки», и Сандунова играла Настасью. Когда по обыкновению она запела песню: «Слава Богу на небе, слава», – то вдруг остановилась, подошла к рампе, и с самым пламенным чувством запела:

Слава храброму графу Витгенштейну,
Поразившему силы вражески! Слава!
Слава храброму генералу Тормасову,
Поборовшему супостата нашего! Слава!

Театр загремел и потрясся от рукоплесканий и криков «ура!». Когда же певицу заставили повторить, то она снова подошла к рампе и медленно запела тихим, дрожащим голосом:

Слава храброму генералу Кульневу,
Положившему живот свой за отечество! Слава!

На этот раз весь театр залился слезами вместе с певицей. Энтузиазм артистов нередко заходил и далее, актеры и актрисы забывали свои роли и неудержимо предавались патриотическому чувству. Так, знаменитая трагическая актриса К.С. Семенова, узнав нечаянно за кулисами о новом торжестве русского оружия, с радости выбежала на сцену и закричала «Победа! Победа!!» Разумеется, этого ни в пьесе, ни в роли ее не было.

Театр ежедневно давал что-нибудь патриотическое, и зала театра всегда была полна; восторг зрителей при каждом слове, имеющем какую-нибудь аналогию, доходил до исступления. Любимыми в то время пьесами были: «Пожарский», «Дмитрий Донской», «Всеобщее ополчение», «Илья-Богатырь»; в последней пьесе куплеты. «Победа, победа русскому герою», – всегда приводили публику в патриотический восторг. Балет «Любовь к отечеству» и множество дивертисментов, в которых Н.А. Корсаков вставлял свои куплеты, всегда приходились по вкусу зрителям.

При вступлении русских в Париж и по получении о том известия, поставлен был на сцене балет Огюста «Гений благости». Это был аллегорический апофеоз виновнику славы России, Александру Благословенному. При перемене декораций аллегория оканчивалась, и победители являлись в Париже, где побежденные и победители вместе праздновали торжество «Гения благости». Стихи:

Честь Александру,
Хвала царю царей!

петые актером Бобровым, не певцом, производили громовой эффект. В комедиях «Модная лавка» и «Урок дочкам» насмешки и карикатуры на французов вызывали также полный и неудержимый смех.

Иногда и французские актеры, игравшие в то время в Петербурге, жертвуя своим родным патриотическим чувством, разыгрывали русские патриотические пьесы на французском языке. Так, известный в то время актер Дальмас поставил в свой бенефис Озеровского «Дмитрия Донского», а знаменитая трагическая актриса Жорж исполняла роль княжны Ксении. Но такие спектакли в петербургской публике не находили сочувствия и встречали одно холодное внимание.

Вся высшая аристократия, с открытием войны, перестала посещать французский театр. Рассказывают, что перед объявлением войны случился в нем следующий казус.

В то время существовал обычай возвещать со сцены состав спектакля на следующий день, и актеры, выхода всегда с тремя обычными поклонами, говорили «*Monsieurs, demain nous aurons lhonneur de vous dormir...*»¹ – и проч. Когда же началась война, то однажды первый актер Дюрен, выйдя для анонса и начал свою всегдашнюю фразу: «*Messieurs!*» – увидал, что в зале всего сидит один зритель, и то, кажется, должностное лицо, а потому тотчас же переменил начало речи и сказал: «*Monsieur, demain nous aurons lhonneur...*» – закрыть спектакли, распустить труппу и т. д. Ненависть к французам в годы войны в народе была чрезвычайно сильна. Много людей пострадало за то только, что не оставило обыкновения говорить на улице по-французски. Просто народ останавливал таких господ, подозревал в шпионстве и передавал в руки полиции. Чуть-чуть за такую привычку говорить по-французски не заплатился жизнью директор петербургских театров князь Тюфякин, заговоривший в Казанском соборе во время обедни со своим знакомым на этом ненавистном в то время языке. Только находчивость и распорядительность ловкого полицейского офицера спасла жизнь князя. Он пробился сквозь толпу и учтиво попросил князя Тюфякина последовать за ним к главнокомандующему, графу Вязьмитинову. Князь повиновался и несколько сот людей последовали за ним в Большую Морскую. Толпа эта беспрестанно возрастала дорогою; все твердили, что поймали важного шпиона, неприязненное и враждебное расположение толпы на дороге все увеличивалось, и без полицейского конвоя, едва ли князь остался бы жив. Граф избавил князя от печальных сцен, выпустив его из других ворот и выслал к народу полицмейстера Чихачева с объяснением, что приведенный человек вовсе не шпион, а русский князь. В Петербурге за все время войны спектакли не прерывались. Но в Москве их уже не было. Грозный гром битвы под Бородином уже гремел – и жирицы Талии и Мельпомены испуганно бежали из пределов белокаменной.

¹ Господа, завтра мы будем счастливы предложить вам...(фр.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.